

8:45

Выпуск 2
декабрь 2015

Содержание

Театральные сезоны	4
У каждого своё кино	8
Самая соль.....	14
Крик каллиопы.....	20
Лингвосмак.....	30
Дни минувшего настоящего	34
Очарование оперы	38
Встреча с Жоржем Нивой	40
Ворошиловский стрелок	42
Вдохни новое веяние.....	46
10 вопросов к... ..	54

Привет тебе вновь, наш чудесный читатель!

Как хорошо видеть тебя снова на страницах «8:45», издания, подготовленного и оформленного для тебя студентами ИФИ! Как и прежде, мы собираем на своих страницах творчество и размышления студентов на самые различные темы, рассказываем тебе о театре и кино, предсказываем будущее по звездам литературной галактики, освещаем тренды университетской моды, следим за новостями и мероприятиями в стенах родного РГГУ.

На страницах декабрьского выпуска «8:45» ты найдешь новые замечательные студенческие стихи, а также продолжение начатого в предыдущем выпуске рассказа. Тебя ждут новые эссе о кино и театре, смешные «портреты» в разделе моды, обзоры на некоторые прошедшие встречи и соревнования университета. Тебя ждет новый гороскоп, не забудь внимательно прочитать, что ждет тебя, ведь сессия совсем близко! Мы добавили новые рубрики: о самых интересных языковых и культурных явлениях

других стран ты узнаешь на страницах статей «Наводя мосты». Загляни и на страницы с интервью: в этом месяце мы расспрашивали Юрия Викторовича Доманского с кафедры теоретической поэтики о его действиях в случае зомби-апокалипсиса и о том, что бы он сделал, попади в его руки Кольцо Всевластья.

Не замерзай, не забывай готовиться к семинарам и сдавай сессию хорошо!

Легких билетов тебе!

*Верящая в тебя,
редакция «8:45»*

Мы будем рады твоим отзывам о нашем журнале! А также, если ты хочешь вести свою собственную рубрику, то тоже обязательно напиши и предложи свою идею! Мы ждем твоих писем на адрес akikaterina@yandex.ru с пометкой «8:45» в теме письма.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СЕЗОНЫ

«Уже скоро! Уже совсем скоро!». Люди толпятся около кабинета. У кого-то в руках букет цветов, кто-то пьет воду, кто-то сидит, уставший от тяжелого дня, но все они ждут. Кажется, что никогда еще не было столько людей около дверей этой аудитории. Над всей толпой звучит одна фраза: «Уже совсем скоро!».

Я была среди тех людей, которые с нетерпением ждали 26 октября 2015 года возле аудитории 390. В этот день Театральный клуб РГГУ под руководством Марии Побережнюк представлял новый спектакль по знаменитой пьесе О. Уальда «Как важно быть серьезным?». «Париж стоит мессы», — сказал Генрих IV, а этот спектакль стоил ожиданий.

Актёрский состав сыграл отлично: актёры не терялись на сцене, не показывали волнения. Сценические образы были проработаны великолепно, актёры уверенно вели свои роли. Было видно, что они на сцене живут своими художественными об-

разами: не было излишней жестикуляции, несоответствующей мимики, переломов в голосе, то есть речь шла на одной волне. За счет этого у каждого актёра создавалась некая речевая мелодия, характерная для определенного персонажа, что является признаком мастерства. Хочется выделить игру Екатерины Решетниковой и Кипкеева Расула. Когда леди Брэкнелл (Екатерина Решетникова) прервала разговор Гвендолен (Костикова Василиса) и Джека (Кипкеев Расул), зал разразился хохотом и ликованием. Это было настолько неожиданно, резко и, главное, громко, что невозможно было не улыбнуться. Бесподобный образ матери, желающей своей дочери богатого и знатного избранника. Кипкеев Расул своим талантом и актерским мастерством сделал главного героя любимцем зрителей. Люди переживали и искренне надеялись, что всё закончится благополучно, хотя эта комедия О.Уайльда известна всем еще со школы.

Молоснов Артемий, Папков Артем, Снегова Валерия, Соловьева Дарья, Нодия Валерия, Поплавская Мария, такие активные, веселые, на драйве в этот вечер они оживили на сцене знаменитую комедию О. Уайльда и заставили испытать бурю эмоций.

В спектакле очень важна атмосфера, которая создается за счет декораций, музыки, света и костюмов. Декорации не отличались особой монументальностью. Достаточно простые, они были по-своему прелестны. Слева, у окна, стояла ширма, покрытая черной тканью, на которой висела картина, имеющая небольшой секрет. На одной стороне была изображена обнаженная девушка, а на другой та же самая девушка, но уже одетая! Это подчеркивало озорство, несерьезность Алджерона, в чьем доме и начиналась данная история. По центру вдоль стены висели лампочки, которые служили не только для освещения сцены. Каждый

раз, когда начинала играть музыка и актёры ритмично двигались в танце, лампочки начинали мигать в такт, что украшало действие, происходящее на сцене. Небольшая люстра, покрытая узорчатой зеленой тканью, и тёплый свет лампочек создали атмосферу домашнего уюта и тепла.

Костюмы тоже были достаточно скромными, не вычурными, но при этом соответствовали времени данной «великосветской» комедии. Особенно мне запомнились маскарадные маски на лицах актёров. Они отразили главную особенность сюжетной линии произведения, а именно вечный маскарад главных героев.

Но какой же праздник и веселье без музыки, и какой маскарад без танцев? Ощущение легкости и целостности спектакля вышло благодаря этим двум музам искусства.

Музыка связывала между собой сцены пьесы, а с помощью

танца актёры показывали внутреннее состояние своих героев. Спектакль начинался с веселого танца актёров под песню Sound Nomaden «Beautiful Music». Эта музыка отлично отображала запутанность, игривость будущих действий, задавала задорную нотку, которая и являлась главной темой всей постановки. Особо отмечу танец Джека и Гвендолен, когда они остались вдвоем. В этот момент играла песня Kali Mutsa «San

Cipriano». В нём прослеживается желание героев сказать с помощью движений то, что словами они друг другу боялись произнести, в данном случае, это было признание в любви. Это был разговор движений тела и пластики, страстный, немного дерзкий, очень чувственный, в целом очень красивый и запоминающийся.

Выражаю огромную благодарность Марии Побережнюк. Она, как гостеприимная хозяйка своего театра, лично встречала пришедших в этот вечер людей. Её тихий и спокойный голос настроил аудиторию на восприятие пьесы и создал некую домашнюю, теплую атмосферу в зале.

Любите и цените театр, ведь он, как сказал Н.В. Гоголь, «это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра».

Виктория Переверзева

У КАЖДОГО СВОЁ КИНО

Эта рубрика, каждое слово в которой есть признание в любви кинематографу. Здесь публикуются самые разнообразные тексты: то могут быть и небольшие исследования, и эссе, и даже стихи о каком-либо фильме, ограничение — лишь ваша собственная фантазия. Каждый месяц их будет объединять одна тема, становящаяся связующим звеном для этого прелюбопытного ассорти

В данном выпуске внимание будет приковано к творчеству французского режиссера Робера Брессона, признанного мастера, чьи фильмы и по сей день не вписываются без оговорок ни в один стиль, сохраняя в себе самобытность автора. Материал нынешнего месяца не может не радовать сердца и взоры своим разнообразием. Дорогой читатель сможет прочесть небольшую исследовательскую работу, в которой рассказывается о взглядах Брессона по поводу того, какой должна быть актерская игра

в чистом, не разбавленного спецификой театра кинематографе, познакомится с мыслями по поводу одного из знаковых фильмов режиссера; а также будет представлен в самом деле уникальный материал — несколько отрывков из статьи Сьюзен Сонтаг 1964 года, впервые публикуемые на русском языке (полностью эту статью скоро можно будет увидеть на страничке ИФИ Вконтакте).

Вредная привычка к театру

Робер Брессон — уникальный человек и режиссер. Его путь начался в «классическую эпоху» и достиг современности, но Брессон так и не примкнул ни к одному кинонаправлению; сам же он оказал влияние на многие течения. Отдельного внимания заслуживает работа Брессона с актерами. Он считал театральность пластики и мимики не просто ненужной в кинематографе, но и излишней для него, убивающей кинематогра-

фическую выразительность. «В ту минуту, когда актер начинает, как в театре, изображать актера, то есть когда он стремится выразить себя при помощи жестов — как правило, кстати говоря, фальшивых, — он парализует ваше зрительское воображение», — справедливо отмечал Брессон. Он считал, что театр — это не кино, а кино — это не театр, и при съемках фильма нужно думать о персонаже, а не об актере, исполняющем роль этого персонажа.

Именно поэтому Брессон отдавал предпочтение непрофессионалам или начинающим актерам. Достаточно упомянуть Флоранс Деле, исполнившую главную роль в картине «Процесс Жанны д'Арк», или Клода Сейдю, кинодебют которого состоялся в фильме «Дневник сельского священника», работу которого

критики позже назвали одной из величайших в истории кино.

Робер Брессон выступал против «киногруппы» и против режиссеров, непрестанно снимающих в своих фильмах одних и тех же актеров. Так называемые «звезды» предсказуемы, а значит, неинтересны и необаятельны, их игра не раскрывает сущность персонажа, но делает его плоским. Идеальный артист кино для Брессона — «человек, который ничего не выражает», то есть не выражает себя, а позволяет сделать это режиссеру. Некоторые обвиняли режиссера в том, что, желая уйти от театральной экспрессии, он находит своеобразную анти-экспрессию, в которой не только не признает игру, но и отбрасывает реалистичность, позволяя исполнителям проявлять даже меньше эмоций, нежели в реальной жизни.

Однако Брессон следовал совершенно иным путем. При подготовке к съемкам действия актеров (мы помним, что в большинстве своем это были непрофессионалы) должны были стать автоматическими, чтобы они могли не задумываться, как повседневные жесты будут выглядеть на экране. Таким образом, правда на экране достигается с помощью неправды.

Брессону было важно оставить для зрителя возможность самому достроить характер персонажа, побыть режиссером уже снятого фильма. Поэтому он искал исполнителя, который перед камерой не станет субъектом, а наоборот — сможет показать персонажа, по-

груженного в себя, внутренний взор которого и пробуждает любопытство зрителя, и будто служит броней от него. Брессон противопоставлял актеров (которые кажутся) моделям (которые существуют). Он говорил: «Актер проецируется рядом с собой в виде персонажа, на которого он хочет походить, заимствует его тело, лицо, голос, заставляет его садиться, вставать, ходить, пропитывает его несуществующими чувствами и страстями. Это “я”, не его “я”, несовместимо с кинематографом».

Анна Калюжная, 3 курс «Искусства и гуманитарные науки»

Чудо пустых ладоней

Фильм Робера Брессона «Дневник сельского священника» начинается с обложки тетради, которая своей формой переплетается с обложкой одноименной книги Жоржа Бернаноса, что экранизирована в этой киноленте. Дневник таит в себе свидетельство жизни и погоню за тем, чтобы эту самую жизнь уловить, поймать и рассмотреть, и наравне с этим выплеснуть часть мучительных мыслей из своей головы: рука почти невольно следует за потоком слов — так льется вода из переполненной чаши. На протяжении фильма вновь и вновь всплывают листы, исписанные чернилами, с помощью языка кинематографа страницы буквально оживают, зачастую с помощью наплывов один эпизод плавно перетекает в следующий, сцепляясь в затейливой связи, как строка, бегущая за строкой.

Но что толку описывать сюжет? Внешние события столь просты с виду, но сколь запутанно, а порою — ужасно и в тоже время «благословенно» то, что кроют они в себе; как человеческая натура по природе своей жить не может без вопросов, без сомнений, без того, что подобно ножу вон-

зается в обыденность, заставляя ее кровоточить.

Но Брессон — он холоден. Он аскетичен. В нем есть нечто отстраненное. Он не кричит, не рвется отчаянно птицей, скрывая жуткие конвульсии, которыми порою вот-вот подернется действие. И это действие также упрямо, его поверхность лишь изредка колыхнется под порывами ветра, тая свои тайны в глуби и не раскрывая их пред каждым случайным встречным. Один их эпизодов, где это так явно выражено: монолог кюре во время разговора с графиней о Боге, им же потом задумчиво обрываемый словами «Да какая разница?..», но буквально за несколько мгновений до этой фразы кажется, что будто сейчас — сорвется, сейчас наступит крещендо, голос все больше набирает вну-

треннюю силу, но все же спотыкается, не успев расправить крылья.

Жизнь по сути своей неотделима от смерти, и пред каждым человеком, когда явственней, а когда менее, парит призрак рано или поздно неминуемого конца. Но что — если не призрак? Как не сойти с ума, не подвергнуть сомнениям реальность, если Костявая настолько близко, что ее дыхание становится осязаемым, причиняющим физическую боль? И от этого предчувствия скорой кончины болезненно обострено сознание священника, получившего приход в Амбрикуре, он лихорадочно мечется от одной мысли к другой, бесконечно увязая в них, нет конца им, сбивающимся и сталкивающимся в постоянно движущейся массе, которая лишь изредка дает иллюзию устойчивой почвы под ногами.

Но — каждому самому задавать вопросы. И самому находить или лишь пытаться найти на них ответы. «О, диво — возможность одарить тем, чем сам не обладаешь, о, благодатное чудо наших пустых рук!» — восклицает сельский кюре, и подобным образом можно обозначить, очертить тонкие связи, что возникают меж зрителем и фильмом, протягивающем к нему свои незримые ладони.

Дарья Тимофеева, 2 курс «Искусства и гуманитарные науки»

Сьюзен Сонтаг, «Духовность: кинематографический стиль Робера Брессона»,

Original "Spiritual Style in the Films of Robert Bresson"

Есть искусства, влияющие непосредственно на возникновение переживаний; есть те, которые обращаются к чувствам через рациональное.

Здесь искусство вовлекающее, рождающее сопереживание. Здесь искусство, расставляющее акценты, провоцирующее рефлекссию.

Искусство сильнейшего воздействия не фригидно. Оно может приводить зрителя в восторг или в ужас, может заставить проливать слёзы. Но его эмоциональная сила — лишь посредник. Толчок к эмоциональной вовлеченности уравнивается элементами техники, создающими дистанцию, объективность, беспристрастность. В большей или меньшей степени эмоциональная вовлеченность оказывается в подчинённом положении.

Этот контраст распознается в сфере технического и даже идейного. Без сомнения, в конце концов, чувствительность художника обладает решающим значением. Это искусство рефлексии, дистанции, то, что Брехт называл эффектом отчуждения.

Дидактические цели, заявленные Брехтом в его театре, в действительности являются проводником «холодной страсти», которая руководит драматургией такого рода».

«Мастер метода рефлексии — Робер Брессон.»

«Когда-то провозглашённый «надеждой французского кинематографа», теперь заклеен режиссёром-эзотериком. Никогда не привлекавший стадного внимания любителей арт-хауса, как в случае с Бунюэлем, Бергманом и Феллини — хотя являющийся большим художником, чем все они вместе взятые; уступивший даже Антониони по численности аудитории. И, исключая небольшую группу посвященных, обделенный вниманием критики».

Причина, по которой Брессона недооценивают, заключается в специфике традиции, к которой принад-

лежит его искусство, — рефлексивной, умозрительной, — она до сих пор недостаточно понята. Особенно в Англии и Америке, там фильмы Брессона часто именуются холодными, дистанцированными, заумными, геометрическими. Однако номинация произведения искусства «холодным» — есть не что иное, как сравнение (часто бессознательное) с произведением «горячим». И не всякое искусство может — или должно быть — «горячим», как не все люди обладают одинаковым темпераментом. Общепринятые понятия эмоционального диапазона для искусства наивны. Конечно, в сравнении с Пабстом и Феллини, Брессон холоден. (Как Вивальди холоден в сравнении с Брамсом, Китон — с Чаплиным.) Необходимо понять эстетику, а значит,

и найти прекрасное, в этом холоде. И Брессон предоставляет особенно хорошее пространство для характеристики данной эстетики, — всё из-за диапазона. Исследуя возможности рефлексивного искусства, как оппозиции «быстрорастворимому» эмоциональному, Брессон движется от строгой конструкции «Дам Булонского леса» к почти лирической, почти «гуманистической» теплоте («Приговоренный к смерти бежал»). Он даже демонстрирует, что также расширяет границы понимания, как «холодное» искусство может трансформироваться в чрезмерно утонченное, — "Процесс Жанны д'Арк».

Анна-Мария Апостолова, 3 курс «Искусства и гуманитарные науки»

Тимофеева Дарья

На этом моменте можно было бы написать заключительное «FIN», но вместо этого я обращаюсь ко всем людям и эльфам, пришельцам и далеким галактическим странникам, ко всем разнообразным личностям, которых объединяет наш факультет — если вы тоже горите кинематографом, посвящаете ему невообразимое количество часов вашей жизни, пишите о нем и желали бы увидеть свои работы опубликованными у нас, то присылайте их и задавайте свои вопросы мне, Даше, на почту (andersen_nn@mail.ru) с пометкой «У каждого свое кино». В январском выпуске тема нашей рубрики будет посвящена европейской мультипликации.

До новых встреч!

САМАЯ СОЛЬ*

Перед вами второй выпуск рубрики, в которой публикуется студенческая малая проза. Все творчески раскрепощенные, многословные или не очень, настаивающие на своем или сомневающиеся во всем, что видят вокруг, описывающие реальность или преобразующие ее, словом, все учащиеся ИФИ, которые того хотят, публикуют свои произведения в данном разделе.

Во втором выпуске рубрики «Самая соль» читателю предстоит столкнуться со смертью, а также продолжить начатое ранее путешествие с Веспером Идэмом в поисках «девочки, которая читает мысли».

Вам приходилось задумываться о смерти или сталкиваться с ней? Многие избегают мыслей и бесед о Костлявой, то ли от страха, то ли из-за суеверия... А на мой взгляд,

говорить о ней важно и нужно. Разве зря существует теория о том, что смерть — это продолжение жизни? Но даже если это не так, зачем бежать от возможности лучше узнать самого себя, вступить во внутренний интереснейший диалог, который поможет, вероятно, приблизиться к пониманию того, что называют истиной? Ведь интерес человека к смерти настолько же естественен, как и желание познать жизнь... Значит, не стоит ограничивать себя. Своими мыслями, а если быть точнее, своими впечатлениями о первом столкновении со смертью делится с тобой, читатель, студентка 2 курса ИФИ направления подготовки «Искусства и гуманитарные науки» Тимофеева Дарья.

Мир Веспера Идэма создал Аркадий Каминин — студент 2 курса ИФИ направления подготовки «История».

Приятного чтения!

* Потому что звучит просто и красиво, а тексты отбираются самым тщательным образом.

Не озаглавлено

В детстве лисья говорит, выводя письма солнечным светом, как настоящий поэт — пропуская через себя. Она говорит на языке, который я слышал во сне — неясный звук, движенья губ, и все слова проникают прямиком в мое воображение. ...И мириады голосов то шепотом, то срываясь на крик, то вкрадчиво пульсируют в висках: «А правда ли, правда, что луна горька на вкус, как имбирь, что глаза на картинах закованы в вечность и подкованы, чтобы взглядом нестись сквозь время, выбивая искры? Что цветы льна — это осыпавшаяся на землю штукатурка неба, словно краска со старых детских качелей?» Правда ли, что протяни руку в пространство, закрой глаза и распах-

ни все окна — и некто возьмет за ладонь и поведет за собою, добро пожаловать в неизвестность. «не спи не спи не спи» Память проштопана пестрыми нитями. Об уходящих, не слышащих, о тех, кто не отзовется, сколько бы ни звал, кого никогда не найти, где бы ты ни искал. Остался лишь символ, отпечатанный в мозгу, а здесь, в глубинах лесов и на улицах в городах — только эхом звенящая пустота в ответ. А мне дано было узнать о смерти от птиц. Первое воспоминание о смерти, столь зыбкое и призрачное, но всю жизнь стоящее перед глазами, никуда не пропадающее. Дети хоронят птиц. Дети пытаются согреть в руках хрупкие птичьи тела с восторженными перьями, поделиться теплом по-летнему горячих ладоней, а через какое-то время зака-

пывают их в прохладную землю на поляне, залитую солнечным сиянием и обволакивающую ароматами прелых трав, а вместо памятников и крестов — камни, иногда украшенные рисунком, сделанным угольком от костра.

Взор затянут солнечной пеленой, синеватые тени вьются и носятся лихорадочно, как ящерицы в трещинах старых лестниц. Дети собирают перья и украшают ими волосы, а потом бегут играть в индейцев, смеясь и улюлюкая. И в целом-то, в целом — смерть так естественна. А без перьев, волос, платьев она к тому же так безобразна. ...А так же я слышал, как падает роса с тихим звоном, раздающимся до ядра Земли.

Дарья Тимофеева

В августе было ветрено (продолжение)

— Ничто не бесконечно, — состроив рожу посерьёзнее, глубокомысленно сказал Юра Профессор.

— А Вселенная как же? — недоверчиво спросил скептик Миха.

— Мне это видится так, — Юра Профессор аккуратно поправил несуществующие очки, — Вселенная представляет собой Сферу, — он сложил из пальцев подобие шара, — движение по внутренней стороне этой Сферы может теоретически быть бесконечным (но из-за ограниченности ресурсов — бесконечное движение опять-таки невозможно). Мы, в смысле человечество, ползаем, как мухи по стеклу, внутри этой Сферы, но в упор этого не замечаем. А всё почему?

— Почему же? — наивный Лягухин самозабвенно нырнул в расставленную ловушку.

— Потому что это Сфера иного измерения, чем наше. Мы просто не в состоянии понять, что это Сфера, — Юра Профессор самодовольно ухмыльнулся, но тотчас вспомнил о своей роли и, нахмурившись, потёр виски, давая понять, что лекцию пора заканчивать.

— Сеня, Миша, чайник вскипел, идите чай пить...

Мальчики тотчас вскочили, и с их детских лиц исчезло выражение всякой задумчивости. Только Юра сидел по-турецки посреди комнаты, перебирал губами какие-то слова, голова смешно склонилась набок...

— Юр, а ты что не идёшь? — мама наклонилась к самому Юриному лицу, и потрепала его по волосам, — Гости там, а ты здесь.

— Сейчас иду, мам, — сказал Юра и быстро посмотрел на неё с пронзительным укором «я тут сижу и думаю о серьёзных вещах, а ты мне с каким-то чаем»...

— Эх, старик, не стареешь ты что-то! — воскликнул Лягухин, сжимая Веспера в горячих объятиях.

— Конечно, не стареет, — усмехнулся демон, — я своё дело знаю.

— Что мы будем пить? — спросил Веспер Идэм, садясь за барную стойку.

— Ишь, как помчался, — рассмеялся Лягухин, — Вот скажи, ты хоть раз в жизни нажирался в хламину?

— Нет, — чистосердечно признался Веспер, — но мечтаю иногда.

— Как ты вообще, Юрец? Работа есть? Девушка?

— Показываю трюки на Арбате, —

пожал плечами Веспер, — да, шоты мне, пожалуйста.

— И что много выходит?

— А много получает тётка, которая сидит возле двух голубых сортиров на «Динамо»?

— Думаю, немного... Ну что будем?

— Будем.

Они выпили. Лягухин — коньяку, Веспер — текилы.

Соль на секунду примёрзла к языку, а потом маслянистая обжигающая волна текилы прокатилась по всему горлу. Зубы на автомате впилась в ломтик лайма, оставляя во рту приятное туманное послевкусие.

— Так как ты думаешь, сколько она получает? — Веспер Идэм, сложил руки и установил на них голову.

— Ну-у, я не знаю, тысяч пятнадцать в месяц.

— А знаешь, сколько людей пользуется этими сортирами? Как-то раз я сидел там неподалёку от Петровского парка двадцать минут, и развлечения ради считал их. Четырнадцать человек за двадцать минут. За час будет, например, сорок. Даже если мы будем считать день от полудня, до восьми часов вечера, то, даже округляя в меньшую сторону, будет триста человек. В неделю будет уже больше двух тысяч, а теперь... внимание!.. Цена одного похода в сортир — тридцать рублей. Нехитрая математика. В неделю такая тётка должна получать шестьдесят тысяч рублей, а в месяц, задумайся, двести сорок штук, не учитывая расходы на минимальный (ты и сам там бывал) уход за этими кабинками. Но ты прав: конечно, она вряд ли получает больше пятнадцати тысяч в месяц, — Веспер Идэм

вдохнул, — так и я. На Арбате много благодарных зрителей, и немало тех, кто кинет пару рублей, просто походя. Только у всех есть «крыша».

— И у тебя? — брови Лягухина взмыли вверх.

— И у меня, — ухмыльнулся Веспер Идэм.

— И кто это? Сколько они дерут?

— Менты. У других дерут двадцать процентов, иногда чуть больше...

— А у тебя?

— А у меня пять.

— И как ты смог... — глаза у Сени были зелёные и круглые. Он, приоткрыв рот, смотрел на Веспера.

— Я умею договариваться, — сказал Веспер Идэм, — всякие фокусы и прочее... Будем?

— Будем.

Они выпили снова.

— Ну что там с девушками, Юрец? Двигается всё как-то? — Лягухин недвусмысленно показал, как оно должно двигаться.

— Нет, не совсем, — сказал Веспер Идэм, — но я видел её во сне.

— Да-а, — протянул Лягухин, прикладываясь к коньяку, — ты всегда был со странностями. Повторите.

Ворон сидел на подоконнике. Массивным крепким клювом он отдирает от дома куски штукатурки и молча пожирал их. Над городом цвели апокалипсические протуберанцы, и звёзды серебряным дождём падали в землю, полыхающую огнём вселенского пожара. Повсюду разливалась магма, которая пожирала всё, только мой дом стоял непоколебимо, и старый ворон клевал его с подоконника.

Я подошёл к окну, резким движением ухватил ворона за горло и сжал пальцы. Он сразу как-то обмяк, под пальцем перестало пуль-

сировать что-то тёплое и живое. Я выбросил его в окно, в горящее пекло, и увидел, как на лету он превращается в большой мусорный пакет, шелестящий на ветру. Я захлопнул окно и уселся посреди идеально пустой комнаты, глядя в чёрно-красное небо и золотые фейерверки вертящихся комет. В руке у меня появилась трубка, и я молча раскурил её, щёлкнув пальцами. Старый трюк, первый, который я опробовал, когда продал душу...

Внезапно чёрный силуэт дважды скользнул кругом мимо моего окна. И там, вдали, из разрывов горящих домов появилась чёрная точка, стремительно движущаяся к моему окну. Я нехотя встал, трубка куда-то исчезла. Распахнул окна настужь. Чёрная точка постепенно приобретала ясные очертания. Я увидел, что это крылатая девушка с окровавленным сияющим мечом в руке. Чёрные густые волосы третьим крылом стелились по ветру. Сильно пахло кровью и палёными перьями. Я отошёл от подоконника, давая ей пространство для посадки, но у самого парапета, она вдруг резко дёрнулась и рухнула вниз в кипящее море. Я кинулся к окну и успел хватить её за левую руку.

— Держись, — сказал я и втащил её в комнату. Светлая туника на ней была разорвана, из многочисленных ран на спине, животе и крыльях, нитями струились ручейки крови.

— Крылья надо снять, Веспер, — прохрипела она.

А потом вдруг коротким ударом сияющего меча отсекал себе оба крыла, и я увидел, как они чёрным потоком стекают в паркет.

Я обнял её, прижал к себе и начал рукой водить по её ранам, заставляя их рубцеваться в десятки раз быстрее. За моей спиной откуда-то появился диван, и я бережно отнёс свою гостью на него, и укрыл одеялом. Меч, как обыкновенная вилка, звякнув, выпал из её израненной руки.

— Ты умеешь...

— Читать мысли, Веспер Идэм. Я вижу эту дыру в твоей груди. Не бойся, я спасу тебя, — голос её начал потухать.

— Сначала я тебя. Я с тобой, — прошептал я, — и я никуда не уйду. Как твоё имя?

— Арета, — проронила она и погрузилась в болезненный кошмар, в котором нет сюжета, а есть истерзанное сознание, мечущееся от большого нечто к маленькому, от светлого к тёмному, от быстрого к неподвижному, от ледяного к пылающему, от мимолётного к бесконечному...

Я сидел над ней и пел заклинание. И всё никак не мог очнуться, не мог насмотреться на её прекрасное лицо, смиренное пред лицом бойни, из которой она вышла. Я найду её! Меч зазвенел снова, но это был будильник. Пора вставать.

Мальчик, который умел колдовать, искал девочку, которая читала мысли.

Аркадий Каминин

Анастасия Храпунова

Вы можете не только читать публикуемые здесь произведения, но и присылать свои работы. Указав в теме письма «Для рубрики "Самая соль"», отправляйте свою малую прозу по адресу akhrapunova@gmail.com.

КРИК КАЛЛИОПЫ*

Русский художник и писатель Юрий Петрович Азаров утверждал: «Поэзия — это особая способность ориентироваться в хаосе». Будь то хаос фантазии или хаос реальности, поэты сумеют пройти сквозь него сами и провести своих читателей. Стоит просто довериться автору и послушно последовать за ним в иной мир. Туда, где действительность обретает новые формы, где мироощущение поэта изменяет сознание читателя, одаривая мгновениями легкого забвения. Поэты, орудуя острым кинжалом, имя

* Древнегреческий поэт и оратор Дионисий Медный (прозванный так за то, что посоветовал афинянам ввести медные деньги) в своих элегиях называл поэзию «криком Каллиопы».

которому — слово, привычным, ловким движением вскрывают собственную грудь, дабы позволить тысячам глаз увидеть вселенную, что сокрыта у них внутри. Там, на месте сердца-солнца, пульсирует комок из чувств и эмоций, чей равномерный стук и преобразуется в стихотворные строки.

В данной рубрике представлены стихотворения студентов ИФИ. Читатель, насладись поэзией, что выходит из-под легкого пера твоего коллеги-филолога!

Софья Исаева

Ты пишешь стихи и хочешь увидеть собственное имя на страницах газеты? Тогда присылай свои произведения на почту isaeva.sonja@yandex.ru с пометкой «Крик Каллиопы» в теме.

«Привет, я Эльза, новейшерусский филолог второго лэвэла. Я не знаю, что бы тебе, милый читатель, было бы интересно про меня знать. Может быть то, что я прокрастина-тор-перфекционист, может быть — что саморазрушитель изнутри и снаружи, а может то, что моя жизнь — это сочетание пяти «П»: петь, пить, почитать, пописывать, печалиться. А еще я люблю созерцать четыре часа утра, рисовать ужастики, существовать на кофеине, слушать постхардкор и проигрывать себе в ассоциации. А пописываю я обыкновенно слишком длинно и запутанно, посему замолкаю»

Афанасьева Елизавета, 2 курс, новейшая русская литература

to bratiya
priglashayu.
pomnite

Октябрь тычет иголками,
если не спрятаться за толстой стеной.
Отучение добивать-ся осколками
прошлого — зачем? Тут же новый мир, странный и больной, —
мой?
Он, возможно, не дивный, но так надо
ли это?
Ведь хватает вполне и фонарно-фарного света
от спешащих куда-то.

Для тепла достаточно и уголька между пальцами,
убьющего лошадь, но только не нас.
Достаточно любования теней танцами
да пары понятных лишь нам фраз.
А если уж холод всё же заложет,
что даже это помочь не в силах,
сделаем лица серьезней и строже,
изыщем момент для собрания милых,
добудем немного тары — алмаз полимерный! —
применением способа из самых верных
не гнушаясь.

Грешно? Каюсь.
Немножко це аш три цэ аш два о аш
возьмем — очага вместо — в наш
Экзистенциальный Шалаш.

I

Свободы не было
Она не существует
Свободы не будет
Есть ты
Несвобода
Антисвобода
а д о б о в с е н
Ad o'bovsen
Ад обо всех
Ад — он во всём
Ад обоснован

«Поэзия для меня не является хобби. Скорее, это один из способов разобраться в себе и решить некоторые личные проблемы. Просто, когда ни одной мысли о том, как поступить, не приходит в голову, я начинаю разбираться в себе и иногда выдумываю рифмы. Начала я этим заниматься примерно в 9 классе, когда заинтересовалась литературой. В то время я перешла из школы в гимназию и попала к учительнице, которая закончила МГУ по профилю филология. С тех пор я и пробую что-нибудь творить»

Быкова Василина, 1 курс, зарубежная филология (компаративистика)

Забывтый враг

Что тебе надо безудержный плут,
Грязный мошенник, воришка в законе?
Жду я тот день как тебя проклянут,
Когда увижу за тобою бегущих в погоне,

Когда гром грядущий мрак перегонит
И осветится наша жизнь светлым путем.
Осознание тревоги и вспышка мелькнет,
Мы новую страницу мира найдем.

Таишься в ошибках и темных делах,
Таишься в убийствах, неудержимых страстях.
Таишься, смеешься, ликуешь в родах,
В парах любовных, семьях, городах...

Всемирный грешник укрылся в земле,
Не только бес, падший ангел и демон,
Не просто известный нам Легион,
Но всемогущий творец в людской толпе.

Таишься в словах наших жгучих,
Таишься ты в тайне тех что умрут.
Ты образ наших безумных иллюзий,
Твое имя окружение всего и вокруг.

08.11.15

«Родился и вырос в Москве. Периодически пишу (пытаюсь писать) разное — стихи, прозу, песни (в том числе и музыку — немного владею гитарой и фортепиано), заметки, дневники и т.д. В той или иной форме сочинял всегда, до того момента, как научился писать, сочинял в голове. Первый опыт стихослагательства — басня про время, написанная лет в десять — одиннадцать (вроде бы утерянная). Писать могу только о том, что важно самому. Пишу мало, но надеюсь что это лишь внутренние фильтры, которые не позволяют мне стать графоманом»

Аигин Евгений, 2 курс, зарубежная филология (компаративистика)

1

Тихой ниткой вьётся вечер,
Одурманенный тоской,
Я читаю; ночь я встречу
Поглощённый суетой.

Мысли роятся, встречаясь,
В комнате без окон и дверей,
Оттого всё наполняя
Сумасшествием зверей.

Мысль летит, порхает,
В неизвестные края,
Оттого и наполняя
Меня, меня, меня.

Мысль кружит, петляет слово,
На кончике моего пера
Ему сорваться надо, снова
Возникая из небытия.

2

Я в жизни не отдаю отчёта
Тому, что было и что ещё пройдёт,
И каждый раз рассчитывать почёты,
Мне это никогда не подойдёт.

Пустые строки, строфы, буквы,
Ваяю я наперечет,
Оставив мысли скучным будням,
Я отдаюсь на их расчёт.

Когда порывом слабой воли
Я забываюсь иногда,
Проходят дни; как будто в море
Реалии уходят навсегда.

Филология, как нам кажется, — это не только теория литературы, биографии писателей, увлекательные книжки, это не только изучение культуры элитарной и рафинированной, но ещё и постижение духовных ценностей целых народов и цивилизаций, постижение через их прецедентные тексты, лингвоспецифичные слова и концепты, через знакомство с гигантами мысли и столпами народного достояния, бесценно значимыми страницами истории, память о которых объединяет порой очень разных людей. В единении и диалоге и наша главная цель — ведь вместо возведения стен непонимания стоит наводить мосты!

НАВОДЯ
МОСТЫ

ЛИНГВОСТАК

«ГУРМАН» ПО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИ

Всё короче становятся дни, всё темнее вечера... Но мы все сильнее чувствуем приближение праздника — мы хотим чуда и волшебства, ждём, что сказка придёт в наш дом. Как дети, искренне верим в сказку! Но что же такое сказка? По-моему, это ощущение счастья. А ведь счастье складывается из, казалось бы, простых вещей, из мелочей: тёплый плед, потрёпанные страницы любимых книг, чашечка английского чая, запах мандаринов и хвои, аромат имбирного печенья, вкус мамино-го пирога...

Ах, мамино-го пирога! А ещё пирожков, пончиков, улиток и рогаликов, хвороста и шоколадной колбаски, песочного печенья и бисквитных орешков, торта «Муравейник», пирожных «Картошка»... Вот подумаешь об этом, и как-то теплее на душе станет!

«Это какие-то тайные мечты гурмана!» — скажете вы. И будете правы. Но как отраднo “дегустировать” этот список не только сладкоежке, а ещё и увлечённому языковеду и филологу (здесь, как никогда, актуализируется внутренняя семантика слова, ведь буквально древне-греческая *φιλολογία* означает «любовь к слову»). Полюбуйтесь! Какое богатство и какая образность языка, какие яркие метафоры, какая изобретательность и поистине художественное видение мира заложены в этих русских словах!

Как интересно вслед за В. фон Гумбольдтом и А. А. Потебней отправляться на поиски «внутренней формы слова», раскапывать тайные, глубоко зарытые в нём же самом, смыслы. Рогалик — какой-то кусочек теста уподоблен рогу, маленькому рогу, уменьшенному и обласканному суффиксом; «Муравейник» — какие-то ломаные куски, выложенные горкой названы так поэтично! Это невероятно ув-

лекательно, но ... всё кажется до предела очевидным. Чего же здесь сложного?! Самая что ни на есть прозрачная семантика: на что лакомство похоже (по форме, цвету, размеру...) — так оно и называется. Но это, уверяю, только кажущаяся простота: все эти номинации в той или иной степени базируются на субъективной оценке носителей языка, и то, что кажется для русской «языковой картины мира» очевидным, совсем не очевидно для носителей другой культуры. Хотите — докажу?!

Возьмём, например, «орешек»: у нас это небольшая по форме разновидность выпечки, напоминающая внешне чуть увеличенный в размерах грецкий орех. Согласитесь, это нам знакомо с детства. Но вот в англоговорящих странах нас едва ли поймут,

ведь их родной язык, рассматривающий, как, собственно, и должно быть, мир через несколько иную призму, навязывает им то, что на орех похож именно пончик: большой, жаренный в масле, круглый, с дырочкой внутри, в шоколадной глазури или с сахарной пудрой. И это очень легко доказать: английское слово *doughnut* очевидным образом мотивированно, причём, в отличие от русского слова, полученного просто при помощи переноса значения по внешнему сходству, оно поликорневое, где каждая из двух морфем сохраняет своё основное значение: *dough* + *nut* = «орешек из теста». Кстати, в предпочитаемом американцами, привыкшими во многом упрощать себе жизнь, варианте написания слова — *donut* — мотивированность гораздо менее заметна.

Сегодня меню кафешки и страницы кулинарных книг наполняют «импортные» словечки: невероятно популярными стали маффины, макаруны (не путать со старыми добрыми макаронами), капкейки, чизкейки (не путать с капкейками), пенкейки (не путать с двумя предыдущими), попкейки (та же история), кейкпопсы... Незнакомому с английским языком трудно разобраться во всех этих словах. Но вы-то, наверняка, узнаете повторяющийся английский корень *sake* («торт, пирог, пирожное»)? Именно от него, кстати, произошли давно обрусевшие (и уже вытесняемые сегодня новыми модными словами) кексы. Но тут одна маленькая неувязочка, хотя, нет, скорее очаровательная особенность русского: многие слова из английского в силу определённых фонетических причин заимствуются нами во множественном числе (*sakes* «кексы») → кекс; также: бутсы, шузы и др.) Но

во всех словах к этому «пирожковому» корню прибавляется ещё один и, о радость, тоже невероятно значимый корень: *cup* означает «чашка», а *pan* — «сковорода»! Эти два слова (*cupcake* «кекс» и *pancake* «блин») содержат полезный совет практичных англичан о том, в чём удобнее всего готовить эти лакомства!

Ещё более «тайные» смыслы заключает в себе белорусское название блинов — *налистники*. Согласно этимологическому словарю русского языка Макса Фасмера *налистники* — это «род блинов, которые пекутся на капустных листьях», то есть производное от слова «лист». Секрет приготовления таких блинов заключался в том, что тесто, чтобы низ его не подгорел на раскаленном подду печи, выливалось прямо на капустный лист. Ещё более убедительное объяснение даёт народная этимология: блинчики называются так, потому

что они настолько тонкие (в этом верх мастерства хозяйки), что похожи на листья!

Ещё одно любопытное словечко — «чизкейк». Cheese + cake = «творожный пирог» — всё просто и лаконично, как и любят англичане. У нас есть «творожники» и «сырники» — тоже всё коротко и ясно. Но есть и кое-что более «вкусное» с точки зрения лингвиста: куда интереснее в этом смысле «ватрушка». То, что это пирожок с творогом, не вызовет ни у кого сомнений, но то, что это отражено в самом слове, на первый взгляд кажется маловероятным. По версии Г.А. Крылова, наиболее вероятное происхождение этого слова таково: образовано от существительного «творог», изначальное «творожка» изменилось в результате метатезы в «вотрожка», затем подверглось влиянию слов на -ушка и изменило первую гласную в результате

закрепления *аканья* на письме. Вот такая долгая, но чрезвычайно интересная история «творожных» метаморфоз!

Такие «жемчужинки» заложены в каждом языке. Мне кажется, именно в поиске подобных мелочей и деталей в любимых языках и любимых книгах заключено наше филологическое счастье! Счастливы те, кто занимается любимым делом, ощущает радость от простых вещей, кого всегда ждут дома близкие и, вообще, в жизни окружают прекрасные люди! А для тех, кто только постигает премудрости филологии, важно, чтобы рядом были настоящие профессионалы и влюблённые в своё дело педагоги! Мне и с этим невероятно повезло!

...Всё короче становятся дни, но всё больше они наполняются радостью, и всё ближе любимый праздник!

Ярослав Красников

ДНИ МИНУВШЕГО НАСТОЯЩЕГО

Декабрь — месяц, богатый на даты, памятные для различных стран и культур: кто-то смахнёт пыль с любимых пластинок и отметит день рождения Джима Моррисона (8 декабря 1943), франкофоны перечитают вдохновлённые Жаном Маре (родился 11 декабря 1913) стихи Жана Кокто и почтят походом в музей день смерти Огюста Ренуара (2 декабря 1919), любители английской культуры непременно вспомнят о дне рождения Джейн Остин (16 декабря 1775) и коронации первого из Плантагенетов (11 декабря 1154), а для любителей культуры американской, особенно времён Войны за Независимость, в декабре целых три памятных даты: тут и Бостонское чаепитие (16 декабря 1773), день, когда можно смело бунтовать против любой находящейся неподалёку монархии, и печальный день смерти Джорджа Вашингтона (14 декабря 1799), и дата закрепления результатов долгих споров двух вирджинцев и им-

мигранта — Александра Гамильтона, Томаса Джефферсона и Джеймса Мэдисона — и назначения города Вашингтона столицей Соединённых Штатов (1 декабря 1800).

Кроме всего этого, декабрь, конечно же, время ожидания праздников и заслуженного отдыха, время, когда можно смотреть на снег за окном и греть руки о любимую чашку с какао, или закутаться в любимый шарф и заглянуть на чаепитие на кафедру германской филологии, или посетить празднование Дня святой Люсии в шведском центре.

Интересно, что Санта Лючия — праздник изначально итальянский, да и сама святая по преданиям была родом из Италии. Но вот уже почти сто лет, с 20-х годов XX-го века, этот день воспринимается в мире как неотъемлемый элемент именно шведской культуры.

Как же так получилось?

Дело в том, в протестантской Швеции католический праздник

святой Люсии расширил своё значение и оброс дополнительными смыслами.

Свои корни он ведёт не только из житий святых, но и в такой же степени — из скандинавских народных языческих верований.

Отмечается день святой Люсии 13 декабря и до реформы календаря в восемнадцатом веке именно на эту дату выпадала самая долгая и холодная ночь в году — ночь, когда где-то во тьме не спят горные тролли, а Морра (пугающий персонаж книг Туве Янссон о Муми-Троллях) приходит погреться к огромным кострам. Люди же стремятся провести это время с семьёй, угощаясь

имбирным печеньем, глёгом (распространённый в зимнее время в Скандинавии горячий напиток из красного вина с добавлением пряностей) и традиционными завитыми булочками с изюмом или шафраном. Булочки, кстати, символизируют глаза Люсии: по легенде она вырвала их себе, но после обрела способность видеть без них.

Со временем к празднику добавилась официальная часть — шествие выбираемой каждый год Святой Люсии и её свиты. Девушка традиционно одета в белое платье, а на голове её — венок со свечами или, что безопасней и современной, с небольшими стилизо-

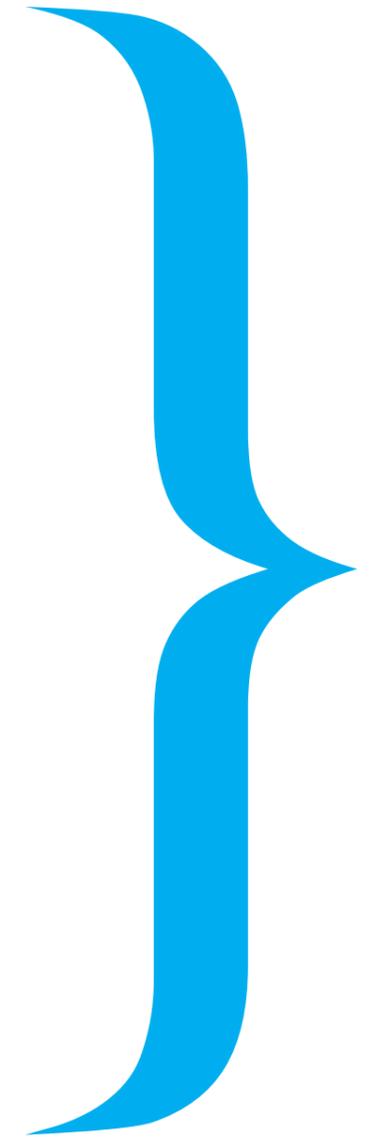
ванными фонариками, а свита её состоит обычно из детей и может вмещать неограниченное количество участников. На празднике все поют известную большинству шведов "Lucia Sängen" («Песня Люсии»), а детям, как и на Рождество, дарятся подарки.

Мы же будем рады видеть всех на ежегодном праздновании Дня свя-

той Люсии у нас в РГГУ в шведском центре. Всё проходит по шведским традициям: колонна людей в белых одеждах движется от дверей шведского центра до актового зала, где сначала поют песни, а потом переходят к подаркам и угощениям.

Приходите и вы!

Мария Дубовская.

ОЧАРОВАНИЕ ОПЕРЫ

Девятнадцатого ноября в центральной аудитории РГГУ, в рамках проекта «Кто-то в Центральной» прошел концерт «Очарование оперы», где студенты и выпускники Хоровой академии им. В.С. Попова и Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского исполнили арии из опер таких известных композиторов, как Верди, Чайковский, Бизе и других.

Многие преподаватели и студенты решили посвятить свой вечер опере, однако, центральная аудитория едва ли была заполнена слушателями на треть. Тем не менее, в помещении царил уютная атмосфера, которая помогла многим исполнителям справиться с волнением: певцы видели поддержку и подлинный интерес в глазах присутствующих. Центральная аудитория как нельзя лучше подошла для подобного мероприятия благодаря своей форме, столь напоминающей античный амфитеатр, с отличной акустикой. В середине сцены гордо располо-

жился белоснежный рояль, который вкупе с изящными вечерними платьями исполнительниц и элегантными костюмами певцов, изначально настроил всех слушателей на серьезное восприятие музыки. Для завершения картины не хватало лишь приглушить свет в аудитории!

Первой, кто лишил слушателей дара речи, была Екатерина Ростова. Девушка явно нервничала вначале, но уже на третьей арии певица начала в полную силу использовать свой чистый и звонкий голос. Разительный контраст по сравнению с Екатериной представляла обладательница лирического сопрано — Мария Ворожейкина. Едва только девушка начала исполнять арию из оперы Моцарта «Так поступают все женщины», слушатели моментально прониклись уверенным и сильным голосом певицы, а, в особенности, ловкими и техничными переходами из одного регистра в другой. После Марии на сцену вышел Роман Крукович, обладатель

мощного и насыщенного тенора, певец исполнил речитатив и арию из оперы Верди «Травиата». Внешне весьма похожий на Дмитрия Хворостовского, Роман запомнился публике своей эмоциональной мимикой и жестикуляцией. Зрители невольно стали свидетелями внутренней борьбы героя оперы, весьма артистично переданной певцом, который превосходно вжился в свою роль. Романа на сцене сменила Елена Лунева, известная обладательница колоратурного сопрано, которая восхитила слушателей переживаниями своего тонкого и высокого голоса. Елена идеально исполнила все самые сложные трели в арии Джильды из оперы Верди «Риголетто», а после арии Царицы Ночи из оперы Моцарта «Волшебная флейта», послужившей настоящим катарсисом для публики, на сцену вышел Святослав Мануйлов. Статный молодой человек чувствовал себя весьма уверенно перед зрителями, а, когда он начал петь, то все слушатели были глубоко поражены его низким, глубоким басом. Святослав сумел весьма запоминающе исполнить арию Родольфо из оперы Беллини «Сомнамбула», благодаря потусторонней силе своего голо-

са, который заставлял вибрировать сердца публики и сотрясаться стены аудитории. Однако больше других слушателям запомнился речитатив и песня Владимира Галицкого из оперы Бородина «Князь Игорь» в исполнении Святослава. Харизматичность его голоса и поведения, уверенность, которая чувствовалась в каждом его слове, да и задорность песни — все это вызвало невольные улыбки на лицах всех присутствующих. В заключение квартет оперных певцов и певиц (без Елены Луневой) исполнил известную неаполитанскую песню «Funiculi, Funicula», создав у публики хорошее настроение на весь оставшийся вечер.

Зрители долго аплодировали певцам и Ольге Крукович-Атвиновской (которая аккомпанировала на фортепиано), Святославу даже подарили букет цветов из зала. Мероприятие «Очарование оперы» позволило студентам и преподавателям насладиться красивыми оперными голосами, вспомнить классические произведения великих композиторов и просто приятно провести вечер в теплой атмосфере центральной аудитории.

Софья Исаева

ВСТРЕЧА С ЖОРЖЕМ НИВОЙ

Двадцать шестого ноября в РГГУ состоялась презентация книги известного французского слависта, проживающего в Швейцарии, Жоржа Нива: «Александр Солженицын. Борец и писатель». Встреча, проходящая в рамках проекта «Другие берега», была организована при поддержке швейцарского совета по культуре «Pro Helvetia» и Государственного литературного музея, вел ее глава ГЛМ и профессор РГГУ Дмитрий Петрович Бак. Как отметила организатор встречи доцент РГГУ Н.А. Бакши, Нива «был и остается ведущим исследователем творчества А.И. Солженицына на Западе». Это не просто очередная редакция его прежней монографии, но, по словам Бака, — принципиально новая книга, сильно отличающаяся от предыдущих изданий.

Я был рад возможности присутствовать на этом событии, и мне приятно поделиться некоторыми общими соображениями, возникшими в ходе дискуссии. Это скорее за-

метки на полях, нежели подробный репортаж, так как и сама беседа с Нива имела непринужденный и отчасти отрывочный характер, ведь невозможен завершённый разговор о том, что лежит близко к нам по времени и имеет непосредственное отношение к современности.

Дмитрий Петрович отметил особенность ситуации, когда современник остается настолько к нам близким, что мы не можем хладнокровно и беспристрастно оценить его наследие. Нива рассказывал о своем первом знакомстве с творчеством Солженицына, но главным предметом его разговора стала сама личность Солженицына, история переводов его книг на французский, развитие его мировоззрения, а также его особенная позиция: как по важным для российского общества историческим вопросам, так и по вопросам творчества русских писателей (например, Андрея Белого, Чехова), которых он воспринимал довольно своеобразно.

Разное восприятие личности Солженицына вчера и сегодня обусловлено во многом сменой эпох. Нескольким участникам беседы вспомнилось свидетельство Аверинцева о человеке, который в 1962 году просил в киоске книгу, «где вся правда написана», не помня или не зная ни автора, ни названия, но имея в виду номер «Нового мира» с «Одним днем Ивана Денисовича». Сейчас, наверное, уже никто не оценивает наследие писателя с такой непосредственностью. Неудивительно, что в конце разговора речь зашла о том, как читают Солженицына сейчас в Европе и Америке и как может понять читатель, малознакомый с историей советского времени, тот же «Один день...».

Для России Солженицын имеет особое значение, и его наследие будет еще долго влиять на культуру не

только из-за хронологической близости и актуальности его творчества, но из-за значения самой его личности. Настоящий исторический процесс ощущается многими как переходный, поэтому столь грандиозная и сложная фигура писателя и общественного деятеля вызывает разногласия и споры, и в конце нашей встречи тоже возникла дискуссия о текущем отношении в России к Солженицыну.

Работа Жоржа Нива над Солженицыным, несомненно, будет продолжаться, а завершение самой беседы о писателе, о его роли в русской литературе и истории остается за пределами прошедшей встречи, и только через несколько десятилетий можно будет более объективно и полно оценить все его значение.

Виктор Финогенов

ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК

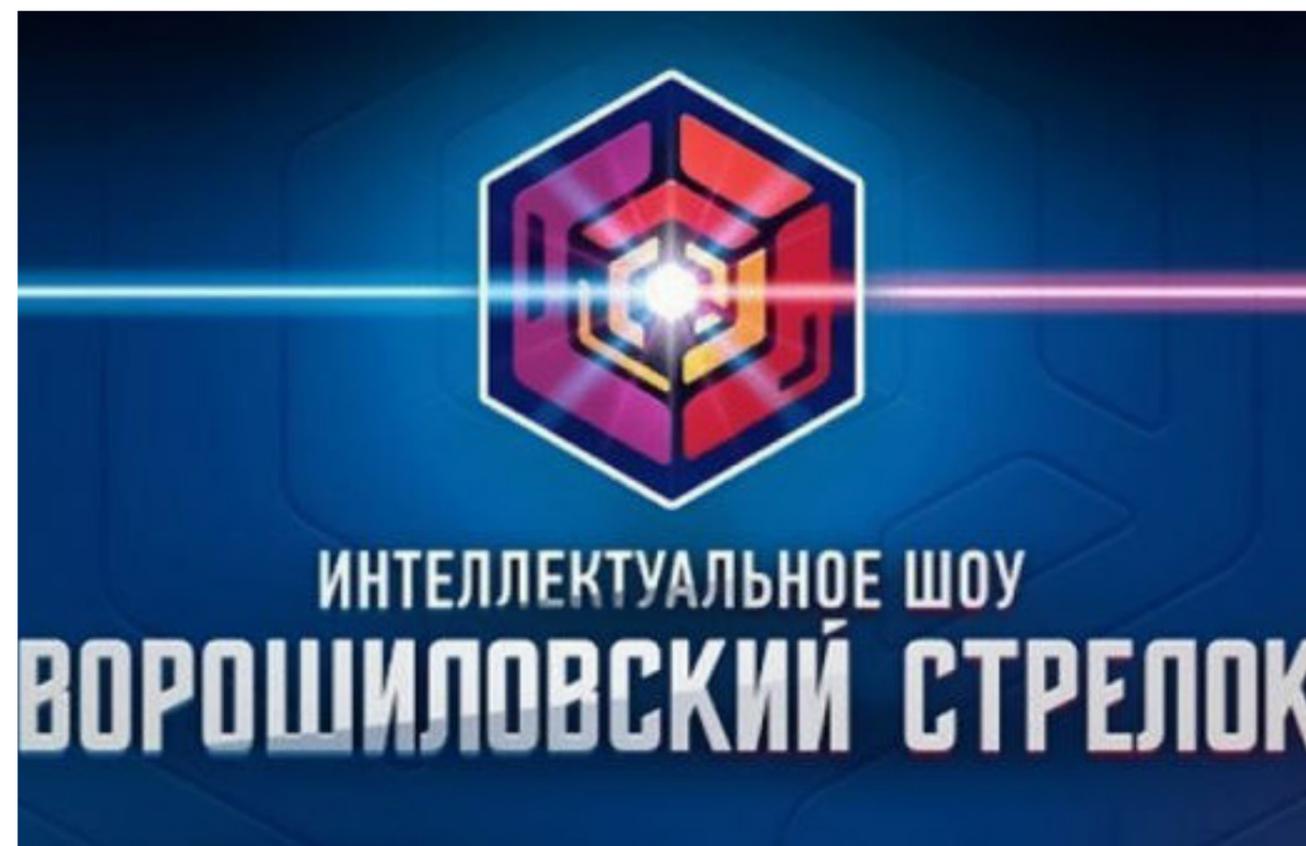
Третий межфакультетский Чемпионат РГГУ по интеллектуальной игре «Ворошиловский стрелок» прошел 23 ноября в 367 аудитории главного корпуса университета. Шестнадцать команд, по четыре человека в каждой, на протяжении двух часов соревновались друг с другом за право отстаивать честь РГГУ на междуниверситетском Чемпионате «Ворошиловского стрелка».

Чемпионат был организован Управлением по работе со студентами РГГУ и Объединенным советом обучающихся РГГУ. «Ворошиловский стрелок» в стенах университета проводился уже в третий раз, а весной 2016 года планируется провести IV Чемпионат, поскольку студенты активно принимают участие в игре. Вступительную речь произнес начальник Управления по работе со студентами Ираклий Болквадзе, а ведущим был Владимир Задорожный — создатель «Ворошиловского стрелка».

Почти все команды первый раз участвовали в игре, но студенты до-

статочно быстро поняли правила, и началась настоящая борьба. В первом туре вопросы, задаваемые ведущим, казались элементарными, здесь главную роль играла быстрая реакция. Однако чем меньше оставалось команд в аудитории, тем сложнее становились вопросы, ответы на некоторые даже давал сам ведущий, потому что понимал, что никто не угадает. В финальных битвах команды были напряжены как никогда, с совершенно белыми лицами игроки занимали свои места и, затаив дыхание, ждали вопросов. Именно в последних турах часто случалось так, что от команды у стола оставался единственный игрок, но практически всегда героям-одиночкам удавалось выстоять!

В итоге, третье место досталось команде Института информационных наук и технологий безопасности «Альфа», состоящей полностью из студентов первого курса! Второе место получила команда Института филологии и истории «Ли Харви»: Капочкин Сергей

(капитан) — 1 курс (магистратура), Агишева Тамила — 4 курс, Егорычева Анастасия — 1 курс и Наумова Регина — 1 курс. Первое место тоже заняла команда Института филологии и истории «Хич Линч»: Исаева Софья (капитан) — 2 курс, Бурьян Вероника — 2 курс, Чедия Диана — 2 курс и Переверзева Виктория — 2 курс.

Регина Наумова студентка 1 курса, 157 группы, направления «Прикладная филология», получила звание Бронзового Ворошиловского Стрелка за то, что дала три раза подряд верный ответ.

«Ворошиловский стрелок» — занятное мероприятие, где в одинаковой мере важна как скорость реакции, так и скорость мысли, ведь порой противник опережал с ответом буквально на доли секунд! Одинокowo интересно и принимать уча-

ствие в данной игре и наблюдать за ходом действия из зала, переживая за команды и проверяя свои собственные знания.

Несколько студентов из команд, вошедших в первую тройку победителей, рассказали о своих впечатлениях от прошедшей игры:

Сергей Капочкин, 1 курс магистратуры, «История идей и интеллектуальной культуры» — капитан команды «Ли Харви», занявшей второе место в «Ворошиловском стрелке»:

«Не задумываясь особо над присутствием слова «интеллектуальное» в афише «Ворошиловского стрелка», в корне меняешь свое мнение, поучаствовав в игре. Кажущееся представление о полной завязке на быстроте реакции и эрудиции мгновенно рассеивается, как только оказываешься по ту сторону игры.

Рецептом успеха является умение балансировать на грани выдержки и резкости мысли, расчета и интуиции! К счастью, в нашей команде совместными усилиями удалось поддержать следование этому балансу. Обретя его раз, уже понимаешь, что одержал свою личную и командную победу, за что можно смело благодарить эту славную игру!»

Виктория Переверзева, 2 курс, «История театра и кино» — участник команды «Хич Линч», занявшей первое место в «Ворошиловском стрелке»:

«Это было очень веселое, интересное, а главное полезное мероприятие: узнаешь много нового, про-

веряешь скорость своего мышления и рук! Конечно, было волнительно сначала ждать свой выход к пульту, а потом слушать вопросы ведущего и ответы соперников. Мы достаточно долго готовились к этой игре, но, честно говоря, победа для нас была неожиданностью. Невозможно передать словами ту радость, которую мы испытали! Работа в команде, приятная аудитория, весёлые замечания и позитивная атмосфера — всё это и есть интеллектуальная игра «Ворошиловский стрелок», организаторам которой я очень благодарна!»

Софья Исаева

Проект «Гуманитарные встречи» и спецсеминар «Визуальное в литературе» приглашают на VII межвузовскую студенческую научную конференцию

«Глаза как зеркало: зрение и видение в культуре»

Вы видите, но не наблюдаете.
Шерлок Холмс

В ходе конференции состоятся:

- ✓ чтение докладов в кругу энтузиастов и единомышленников;
- ✓ дискуссии о теоретических подходах к изучению визуального, зримого и видимого в художественных текстах;
- ✓ сюрпризы и увлекательные интерактивы.

Круг обсуждаемых проблем:

- ✓ Зримость и наглядность как категории визуального в художественном произведении;
- ✓ Феноменология взгляда в разных видах искусств;
- ✓ Оппозиция видимого / невидимого в художественном тексте;
- ✓ «Смотреть» и «видеть»: сближения и противопоставления
- ✓ Проблемы точек зрения и кругозора в искусстве;
- ✓ Процесс, способы и возможности зрения в художественном тексте;
- ✓ Отражение и перспектива как возможности видения;
- ✓ Очки, зеркало, бинокль, подзорная труба: объекты и способы изображения;
- ✓ Гротескное тело (глаза) и зрение;
- ✓ Трансгрессия и проблема видимых границ.

Помните, что участие в конференции – это хороший шанс для самореализации. Это практика для тех, кто хочет приобрести ораторские способности и исследовательский опыт, попробовать себя в научной деятельности.

Приходите! Вы ощутите зримость смысла и убедитесь в том, что наука – это на самом деле захватывающе и интересно!

Конференция состоится **11–12 марта 2016 года** (пятница и суббота), в Российском государственном гуманитарном университете (Москва, м. Новослободская, ул. Чайнова, 15). Участие могут принимать студенты и аспиранты любых направлений, профилей и вузов.

Заявки на участие просьба присылать до 20 января 2016 года на адрес: iff.gum.vstre4i@gmail.com. В заявку нужно включить: фамилию, имя, отчество; курс, факультет, вуз; название доклада; тезисы доклада (максимум 1 страница).

Подробная информация: http://vk.com/visual_conf_2016

ВДОХНИ НОВОЕ ВЕЯНИЕ

Вдохновение и внутренняя свобода имеют сакральное значение для человека ищущего. Что значит вдохновлять себя? Искать нечто, что может зацепить малейший кусочек души; нечто, что способно резко открыть тяжелую дверь сердца, дерзко заявить о своём присутствии или же постепенно наполнить смыслом жизнь. Что значит быть свободным? Принимать себя, иметь смелость заявить о своей свободе, принять вытекающую из неё ответственность. Быть вольным, подобно Чайке по имени Джонатан Ливингстон: бросаться в опасность, искушать себя и её, искать свои пределы, уходить из зоны комфорта, которая становится в последнее время преувеличенно значимой.

Данная колонка — это не только персональное (моё, но, надеюсь, в скором времени и ваше) представление о людях, которые способны вдохновлять и давать повод к переосмыслению эссенции свободы (а именно о них речь и будет идти).

Это еще и призыв к тому, чтобы быть больше, чем просто собой. Предлагая свои статьи, заметки, эссе, о тех, кто вас вдохновляет, вы подтолкнёте многих «бороться и искать, найти и не сдаваться».

Алиса Георгиевна Коонен (1889-1974)

Алиса Георгиевна Коонен — актриса МХТ, любимая ученица К.С.Станиславского, актриса МКТ. Появилась на свет в семье выходцев из Бельгии 17-го октября 1889 года. Первая искра любви к театру зародилась в сочельник в доме «богатой» соседской семьи, где, впервые надев маскарадный костюм, она испытала счастье, кружась возле ёлки. Это детское воспоминание позже станет основой роли Митиль в «Синей птице». Искра разгоралась при просмотре спектаклей МХТ зайцем (гимназисты платили билетерам пятнадцать копеек за право сидеть на ступеньках в верхнем ярусе и двадцать — в бельэта-

же), при бесконечном преследовании актеров МХТ: Качалова, Книппер, Савицкой. Мечта стала реальностью после прослушивания, на котором маленькая и худенькая шестнадцатилетняя Алиса в строгой черной суконной юбке насмешила и очаровала своих «богов»: Немировича-Данченко, Книппер, Леонидова, Вишневого, Бурджалова, Москвина. Они приняли её, о чем свидетельствуют и слова Станиславского, обращенные к маме Алисы: «Ваша дочь не просто поступает в театр, она принята в нашу семью, и я обещаю вам, что лично буду заботиться о ней». Первый театр в жизни актера — это и дом, и школа, и действительно семья, восторг, борьба, поддержка, гнев, радость, самоискание. Это падение в пропасть неизведанного и каменная стена от всех напастей.

В театре детская непосредственность Коонен находила разные воплощения. На экзамене по фехтованию она, посетив за год лишь один урок, без всяких правил кинулась с рапирой на своего партнера и стала теснить его, пока не загнала в угол. Преподаватель фехтования Понс пытался остановить её, но, не помня себя, в неистовстве она бросалась на всех вокруг. Станиславский, наблюдавший эту сцену, отметил, что находчивость и темперамент, которые были проявлены, — качества, также необходимые актеру. А актер МХТ Александров шепнул Алисе, что фехтование она провалила с треском, зато экзамен на актрису выдержала.

Но невероятное число подобных выходов не перевешивали значения таланта девушки, которая в 17 лет «учила» саму Лилину играть «Чайку».

Раскрытие творческого потенциала Коонен в МХТ происходило постепенно, пока не разрослось в революцию. Внутри она была не одна, в её голове происходила противостояние двух: начинающей, не совсем уверенной в себе ученицы и трагедийной актрисы. Данный жанр изводит тех, кто хоть раз почувствовал его: он расшатывает горизонт эмоций, стирает границы между жизнью и театром. Развитие актерского мастерства в этом русле стало для неё способом самопознания, начавшимся с ролью Маши в «Живом труп».

Непринятие системы Станиславского и отсутствие возможностей роста приводят актрису к решению уйти из МХТ в «Свободный театр» К.А. Маржанова, который просуществовал лишь 1 сезон.

(Письмо к Станиславскому:

«Дорогой Константин Сергеевич!

Я не прошу у Вас прощения, так как, зная Вас, понимаю, что Вы меня не простите.

Я убежала от Вас, от человека, которого безмерно люблю, как отца. Убежала от художника, которого чтю, как бога. Ушла я в неизвестность. Свободный театр был только предлог. Мои мечты об искусстве, о театре иные. Пусть они эфемерны, наивны, может быть, несбыточны, но они-то и толкнули меня на уход из Художественного театра. Я очень тяжело пережила и переживаю сейчас мой разрыв с Вами, дорогой Константин Сергеевич. Но я не могла иначе, не могу иначе. Искусство, Ваши заветы я не предаю никогда, ни при каких обстоятельствах, скорее умру.

Преданная Вам, безмерно Вас любящая Алиса».)

Алиса Георгиевна искала себя и своего зрителя. В этом её мысли были созвучны с мечтами Александра Яковлевича Таирова.

Камерный театр. Моё

вдохновение

«У Таирова была Коонен, у Коонен — Таиров, а их ребенком был театр».

В 1914 году по адресу Тверской бульвар, 23 открылся их родной Камерный театр. Здесь Алиса Коонен прославилась прежде всего трагическими ролями. Во время гастролей Камерного театра в Париже в 1923 году Коонен играла Федру Расина, неразрывно связанную для французской публики с великой Сарой Бернар. После Федры в ее исполнении никто на парижской сцене не решался брать за эту роль. Коонен, приехавшая из чужой, незнакомой большевистской страны, осмелилась — и завоевала публику.

Коонен была «носителем» всех передовых идей Таирова. Воспитывая в себе «синтетического» актера (умеющего все: петь, танцевать, хорошо и ритмично двигаться),

лях, какие бывают в жизни людей», — писала она в своих воспоминаниях. И эти фразы раскрывают могущество таланта женщины, которая хочет «завоевывать», которая ожидает, что к ней «кинутся». Да, в ней «сто детей и сто чертей», она своенравная и своевольная, но разве не такой должна быть настоящая актриса?

Сильную рефлексивность вызывают слова В.И. Качалова, обращенные к Коонен: «У меня у самого бывает

иногда желание вырваться из своей скорлупы, сесть на какой-то ковер-самолет и лететь сломя голову к черту на кулички. Завидую тебе. Ты любишь борьбу, а я вот не умею бороться». Она правда любила борьбу до крайности: бороться за органичность каждого образа.

Самое страшное событие в жизни актера — прощание с родным театром. Последней ролью на сцене МКТ для Коонен стала роль Переваловой (спектакль «Актеры»), прообразом которой была известная советская артистка А. Перегонец. «Актеры» прожили недолго. Премьера состоялась в марте. А 29

мая 1949 года в последний раз закрылся занавес Камерного театра.

«Шел спектакль «Адриенна Лекуврер».

Этот спектакль остался в моей памяти на всю жизнь. Вспоминают его до сих пор и зрители, которые на нем присутствовали. Как ни странно, но в тот вечер я играла с каким-то особым восторгом, в каком-то упоении, забыв обо всем на свете.

На своих спектаклях я всегда ощущала очень тесный контакт со зрителями и всю мою актерскую жизнь считала их своими самыми близкими друзьями — им я отдавала все самое дорогое, самые сокровенные чувства и мысли. И эта близость с публикой очень много давала мне для творчества. В тот последний вечер в театре контакт со зрителями был особенно ощутимым — моя Адриенна, казалось, жила в самой гуще зала».

Новая вывеска гласила — театр имени Пушкина.

Квартира Коонен и Таирова находилась через лестничную площадку от театральных помещений. Она жила прямо в театре. И этот театр больше ей не принадлежал... Таиров не выдержал потери самой дорогой части его жизни. Великий режиссер умер в клинике неврозов.

Фаина Раневская вспоминает:

«Когда мы после этой процедуры шли обратно, она долго плакала, уткнувшись мне в плечо. Она сказала:

“Нас обвенчали после его смерти...”

У нее отняли все — Таирова, Театр, Жизнь...»

Но Алиса Георгиевна проявила отчаянную гордость. Она ни у кого ничего не просила, ни перед кем не

унижалась. Ее единственной радостью стали поэтические вечера. Аудиозаписи ее выступлений являются образцом сценической речи. Ее книга «Страницы жизни» сейчас переиздается большими тиражами.

Почему же Алиса Коонен бесконечно близка мне? Меня увлекает возможность открыть читателям тайну творчества, показать душевный мир актрисы, писателя, человека созидающего, где рядом с реальной жизнью живут образы, созданные воображением. Показать таинственную взаимосвязь жизни и искусства, столь тесную, что уже невозможно понять, где кончается одно и начинается другое — трудная и увлекательная задача. Если это удалось мне, то, вероятно, потому, что и для меня с самых ранних лет искусство было второй жизнью. И хотелось бы, чтобы оно ею и оставалось.

Важно не создать себе идеал, а найти того, кто идеалу созвучен. Жизнь Коонен — это близкая многим мысль о необходимости характера в человеке, необходимости борьбы, о культуре искусства. Это то, что хочется перенять, привить себе. Хочется быть открытой всему новому. Хочется путешествовать, самообразовываться, помогать близким, не терять оптимизм, любить, не скупясь на чувства, отдаваться своему делу...

Ведь хочется?

Так же предлагаю вам ознакомиться с некоторыми ролями Коонен (произведения, бережно укутанные кавычками, заслуживают особого внимания для тех, кто успевает что-то читать помимо научной литературы). На сцене МКТ ею были сыграны:

научилась классическим танцам, фехтованию (!), жонглированию, пантомиме...

Алиса Георгиевна — это вдохновение самоотдачей. Читая её автобиографию «Страницы жизни», хочется менять и ломать себя, ибо только разрушая, можно созидать. «Когда бьется сердце от первой встречи со зрителем, не знаешь, какой он сегодня, надо ли будет его завоевывать или сразу он кинется к тебе, и тогда понесешься как на крыльях, и весь вечер — точно пасхальный праздник в детстве! Кружишься в вихре невиданных чувств, страстей человеческих, страданий и радостей, во всех вихрях и мете-

Сакунтала («Сакунтала» Калидасы, 1914)

Сюзанна («Женитьба Фигаро» Бомарше, 1915)

Вакханка («Фамира Кифарэд» И. Ф. Анненского, 1916)

Саломея («Саломея» О. Уайльда, 1917)

Адриенна («Адриенна Лекуврер» Э. Скриба и Э. Легуве, 1919)

Джульетта («Ромео и Джульетта» У. Шекспира, 1921)

Федра («Федра» Ж. Расина, 1922)

Катерина («Гроза» А. Н. Островского, 1924)

Жанна («Святая Иоанна» Шоу, 1924)

Эбби Кабот («Любовь под вязами» Ю. О'Нила, 1926)

Элла Доуней («Негр» Ю. О'Нила (1929)

Эллен Джонс («Машиналь» С. Тредуэлл, 1933)

Комиссар («Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, 1933)

Клеопатра («Египетские ночи»: Фрагменты одноимённого произведения А. С. Пушкина, «Цезаря и Клеопатры» Б. Шоу и «Антония и Клеопатры» У. Шекспира, 1934)

Марина Страхова («Сильнее смерти» П. Л. Жаткина и Г. Ю. Вечеры, 1939)

Эмма Бовари («Мадам Бовари» по Г. Флоберу, 1940)

Нина Заречная (спектакль-концерт «Чайка» по А. П. Чехову, 1944)

Кручинина («Без вины виноватые» А. Н. Островского, 1944)

Анна Мартынова («Пока не остановится сердце» К. Г. Паустовского, 1943)

Эва («Жизнь в цитадели» А. М. Якобсона, 1947).

Кроме того, в театре имени Пушкина висит мемориальная доска Коонен и Таирова. На первом этаже находится их мемориальный музей, куда можно заглянуть.

А в музее М.А. Булгакова можно обнаружить комнату художника Г.Б. Якулова (близкого друга Коонен и оформителя сцены для многих спектаклей), на одной из стен которой висит портрет актрисы. И весь музей в целом не оставит вас равнодушными (при посещении не забудьте студенческий билет)!

Алия Мухитова

Ваши статьи, заметки, эссе жду по адресу adochka.95@mail.ru. Они не будут изменены мной, а лишь приобретут незначительный комментарий моего восприятия вашего вдохновителя.

Кафедра Романской филологии ИФИ РГГУ

ИСПАНСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КОНЦЕРТ

подробности в группе vk.com/ifi_rgggu

25
декабря

10 ВОПРОСОВ К...

...Юрию Викторовичу Доманскому

Факты из жизни преподавателя университета, как и все его достижения в научной деятельности, легко можно найти на просторах Интернета, но разве эта информация может дать полное представление о человеке и его увлечениях?

В нашей рубрике «10 вопросов к...» мы берем интервью у людей, посвятивших свою жизнь ИФИ. Подбирая необычные и интересные вопросы, мы предоставляем всем нашим читателям возможность увидеть родных преподавателей с совершенно другой стороны: чем они увлекаются, как относятся к современной культуре, какие любят фильмы?

В этот раз мы расспрашивали о музыке и книгах Юрия Викторовича Доманского — профессора кафедры теоретической и исторической поэтики.

Интервьюер: Добрый вечер, Юрий Викторович! Большое спасибо за то, что согласились на интервью для на-

шего журнала. Мы составили десять вопросов, по два-три относящиеся к одной теме: литература, музыка, кино, Ваши взгляды на жизнь. Есть еще бонус-вопрос, отказаться от которого мы не смогли, надеюсь, он развеселит Вас. Во многом темы связаны с современной поп-арт культурой.

И начать я решила с музыки! Расскажите, пожалуйста, о самом запоминающемся концерте в Вашей жизни?

Ю.В. Доманский: Ну, наверно, таких концертов был не один. Прежде всего, наверно концерт «Машины Времени» 1984, концерт Виктора Цоя 1988, и тогда же концерт группы «Ноль». Вот, из тех времен.

Интервьюер: Чудесные исполнители! И как раз следующий вопрос — какая у Вас любимая песня у группы «Машина Времени»?

Ю.В. Доманский: Ооо...

Интервьюер: Да, я знаю, это подло. Я бы тоже не смогла выбрать.

Ю.В. Доманский: Я даже не знаю... Хотя, все-таки — «Черная река».

Интервьюер: Теперь к кинематографу. Фильм «Асса» или фильм «Игла»?

Ю.В. Доманский: «Асса».

Интервьюер: Какому актеру и за какую роль Вы бы дали Оскар?

Ю.В. Доманский: Отечественному зарубежному?

Интервьюер: Любому. Хоть ныне живущему, хоть почившему.

Ю.В. Доманский: А я думаю, наверное, Высоцкому за Глеба Жеглова (один из главных героев к/ф «Место встречи изменить нельзя», 1979 г.).

Интервьюер: Какие, по Вашему

мнению, были лучшие и худшие экранизации книг?

Ю.В. Доманский: Лучшая экранизация книги, на мой взгляд — это «Собачье сердце». Еще мне очень нравится «Жестокий романс» Эльдара Рязанова. А худшие... да все остальные худшие. Особенно — советские экранизации классики.

Интервьюер: А почему?

Ю.В. Доманский: А там все персонажи получают какие-то такие... шаржированные. Даже внешне. Достаточно посмотреть какие-нибудь старые экранизации «Идиота» советские.

Интервьюер: Сейчас будет «героический» вопрос! Какой у Вас любимый литературный герой, исторический герой, герой реальной жизни и супергерой?

Ю.В. Доманский: О, это тоже очень трудный вопрос... Я, наверное, начну с супергероя. Супергерой у меня любимый — Железный Человек (*Интервьюер непрофессионально и неприкрыто рад ответу*). Кто там дальше, литературный герой? Литературный герой, литературный герой... Из «Москва-Петушки» главный герой. Венечка. (*хитро улыбается*)

Интервьюер: А в реальной жизни?

Ю.В. Доманский: Реальной жизни... (*задумывается*) С реальной жизнью сложнее. Из современности или из истории?

Интервьюер: Это может быть такой герой, который знаком лично Вам, например.

Ю.В. Доманский: Нет, наверное, из реальной, современной жизни никого назвать не смогу, никого не вижу... Если кого-то и вижу, то за ними — каких-то их персонажей. Скажем — Том Хэнкс, но за Томом Хэнксом я вижу Фореста Гампа, или называю Харрисона Форда, но за ним — Индиану Джонса, за Шоном Коннери — Джеймса Бонда, поэтому с реальностью как-то трудно. Не политиков же называть, не исторических деятелей... Это, по-моему последнее дело — видеть в них каких-то народных

любимцев и героев. В основном, конечно, это должны быть какие-то деятели искусства. Наверное, уместно будет назвать Джона Леннона... А если говорить о кино-персонажах, то Джеффри Лебовски в исполнении Джеффа Бриджиса! (*смеется*)

Интервьюер: Тогда давайте удалимся от реальности? Что бы Вы сделали, попади к Вам в руки Кольцо Всевластья?

Ю.В. Доманский: А я бы его уничтожил. Оно же приносит только зло, и сам я никак не расположен властвовать, ни в каких формах и видах, а также очень не люблю, когда надо мной властвуют. Так что даже не собирал бы никаких братств — так, один бы сходил, и дело с концом!

Интервьюер: Не менее пугающий и притягательный мир в следующем вопросе: стали бы воспитателем или преподавателем в «Доме, в котором...» и ушли бы на Изнанку после Выпуска?

Ю.В. Доманский: Нет, ни преподавать, ни выпускать я бы не стал. Это тот мир, в который лучше не погружаться, а смотреть на него со стороны, и желательно — в его эстетическом исполнении в книге.

Интервьюер: Что ж, оставим книги. Отправились бы Вы в кругосветное путешествие?

Ю.В. Доманский: Да, с удовольствием.

Интервьюер: А как бы Вы совершили свое путешествие — под парусом, пешком, по воздуху?

Ю.В. Доманский: По суше, пешком, где-нибудь, где потеплее.

Интервьюер: Автостопом?

Ю.В. Доманский: Нет, зачем — просто пешком. Я когда-то автостопил, всякое бывало, но лучше — пешком. Чтобы ни от кого не зависеть, побыть в одиночестве.

Интервьюер: Довольно внезапный вопрос, но все же: стали бы Вы дружить со своим двойником?

Ю.В. Доманский: (*Задумывается*) ...Наверное, да, изредка. Это примерно то же самое, что и автокоммуникация, когда есть возможность с самим собой что-то обсудить.

Интервьюер: Не получится ли так, что Вы наперед будете знать ответы на все вопросы?

Ю.В. Доманский: Нет, почему! Мы же не можем даже свое поведение прогнозировать. Хотя с самим собой сложно. Да и вообще — жить сложно (*улыбается*). Но хорошо.

Интервьюер: Это последний бонусный вопрос... Тактика Ваших действий во время зомби-апокалипсиса? У нашей редакции был вариант «обклеить окна одеялами, лечь на пол и пить красное вино».

Ю.В. Доманский: Даже не знаю. Думаю, я смогу с ними договориться.

Интервьюер: Вы уверены? (*смеется*)

Ю.В. Доманский: Ну а чего такого? (*улыбается*)

Интервьюер: А если они не очень умные будут?

Ю.В. Доманский: Ну, так тем более смогу! С умными сложнее договориться.

Интервьюер: Ладно, Вы меня обезоружили, это отличный ход! Спасибо Вам большое за такую интересную беседу и незаурядные ответы!

Катерина Акимова

ФИЛФАК МОДА

декабрь

#1 Студент опаздывающий

Признаки:

Носки разного цвета (и длины), найденные впопыхах. Развеваящиеся шарфы, намотанные на скорую руку и так и норовящие сбежать от своего владельца. Пальто застегнутые не на все пуговицы, или даже не застегнутые. Бутерброды, в панике дожевываемые на ходу.

Забутые дома зонты/шапки/сделанное домашнее задание/ключи/проездные на метро (а иногда и все вместе). У девушек — отсутствие макияжа, либо заманчивый тренд «накрашен один глаз». Неопишуемые прически.

Характерные особенности:

Умение спать крепко и сладко даже под самые дотошные, мерзкодребезжащие будильники. Умение выключать оные, не просыпаясь. Суперскорость, проявляющаяся тогда, когда надо добежать до бесчеловечно уезжающего с остановки автобуса. Способность бегать по льду, воде, по крутым лестницам, обгоняя лифты (для девушек — способность делать все это на каблуках). Способность незаметно проникать в аудиторию в разгар пары и создавать видимость «я был/а тут с самого начала».

Девиз:

«Передайте преподу, опоздаю минут на 10!»

Цели:

Не опоздать на первую пару. Ну, или на вторую. Ну, или хоть куда-нибудь не опоздать.

#2. Студент тусовочный

Признаки:

Одет с иголочки и по последней моде. Идеальный макияж у девушек, идеально глаженные рубашки у парней. И это не странно — так как времени у таких студентов сколько угодно, собираться можно долго, тщательно и со вкусом.

Характерные особенности:

Это те самые личности, лица которых группа обычно не запоминает. Потому что появляются они раз в семестр — чтобы сдать все экзамены и снова исчезнуть в водовороте из выставок/мероприятий/вечеринок. Зато в деканате таких студентов знают хорошо — ибо раз в пять месяцев с грустными лицами именно туда они приходят раскаиваться и просить об отпущении всех грехов, нажитых за семестр. Суперспособность — худо-бедно усваивать всю программу за пару дней, чтобы выжить на сессии. А то и за одну ночь.

Девиз:

«Да ладно, как-нибудь прокатит!»

Цели:

Не вылететь из универа.

Когда легкой поступью приходит зима, и все вокруг начинает мерцать холодным серебром, торжественно провожая осень, мы встречаем Декабрь. Время мечтать, но решительно делать шаги вперед. Время легкости и кропотливого труда. Время чего-то сказочно-теплого в душе, когда весь мир застывает в зимней стуже.

В этом месяце в галактике литературы властвуют Тютчевы, устремившие свои стрелы в бескрайнее будущее.

К слову, это будет весело, дело будет в сессию. Всем удачи, да пребудет она с нами, ибо галактика благоприятствует этому!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОСКОП

Тютчев (23.11 — 21.12)

Стрела и мишень — в конечном счете, одно целое.

Гроза и весеннее небо существуют в одной плоскости.

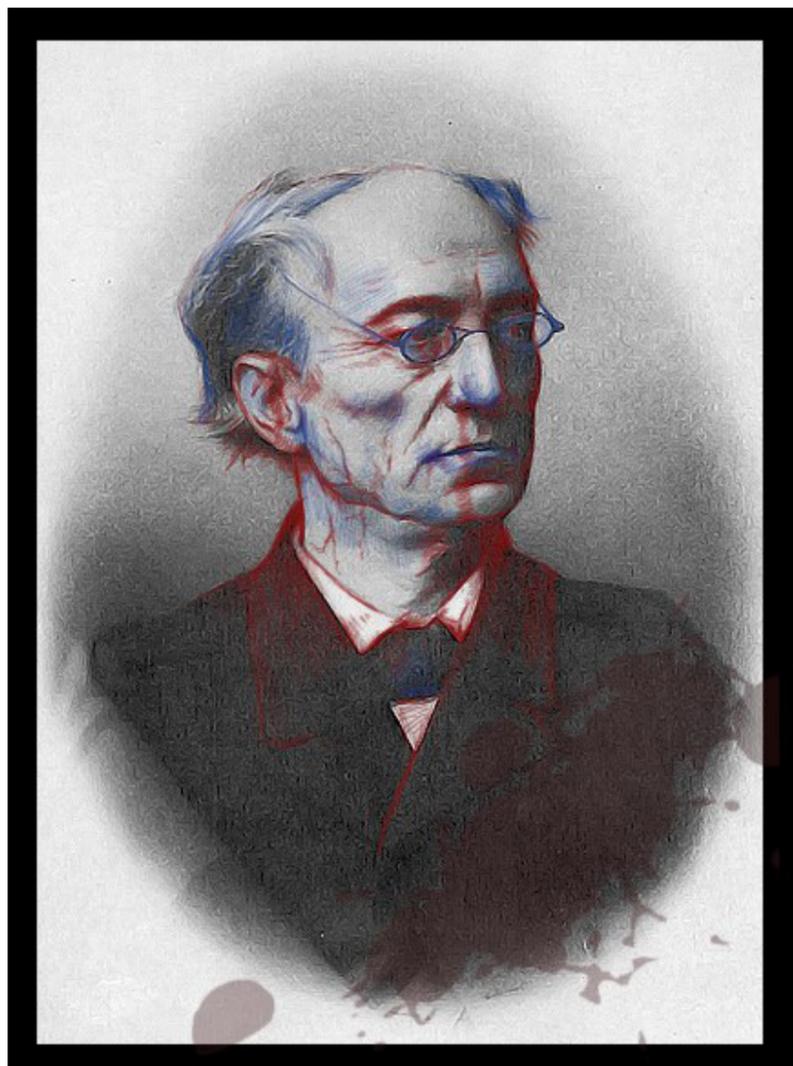
Тютчев видит вещи с разных сторон, и в этом его дар, — он видит их во всей широте их возможностей, со всеми задатками, вложенными в них, и он видит их со стороны складывающихся итогов. Он не зависит от шаблонов: в единстве борющихся противоположностей, в круговерти бурь и гроз скрыто неистовое свободолюбие.

Если современный мир уже отчасти построен заново, то Тютчев отнюдь не считает, что он построен должным образом. По Тютчеву, мир, окружающий людей, едва им знаком, едва освоен ими, по содержанию своему он превышает их практические и духовные запросы. Мир глубок, таинствен. Тютчев привил себе особый взгляд на вещи: они для него плавкие, видоизменяемость — их главный принцип. Тютчев делит их, различает в них элементы; вещи, недавно казавшиеся простыми, под взором Тютчева проявляют свою многосложность.

Огненные и страстные, их любовь словно взмывает в дикое ревущее небо: «О, как

убийственно мы любим, // Как в буйной слепоте страстей // Мы то всего вернее губим, // Что сердцу нашему милей!». Нетерпеливость в мелочах, нерасположенность к длинным объяснениям, порывистость. Они делают прежде, чем увидят. И им комфортно в их шторме, обиденность и размеренность — губительны для этого знака.

Что ж, пожелаем Тютчеву гореть, но не сжигать. В ваших силах взять бури под уздцы и обрести самый настоящий успех, если вы только этого пожелаете. Звезды наградили вас упорством и усердием, вы знаете, как добиться желаемого, вы умеете ставить цели и прокладывать пути к ним, пусть не самые простые и короткие, ведь вы не признаете успеха без труда. Звезды лишь советуют знать меру, даже в хаосе есть золотая середина.

Гоголь (21.03 — 20.04)

В этом месяце можете смело сжигать все на своем пути и все вокруг себя, ведь вы входите в свою стихию, получая заряд энергии и удачи: действовать мощно и порывисто — залог успеха в декабре. «Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполнимом. Враг этот — лень», — помните об этой маленькой истине, и вперед, к триумфу!

Шекспир (21.04 — 20.05)

Волшебный для вас месяц. Стоит чего-либо только захотеть, и это будет исполняться, словно в сказке. Фортуна подарит вам свою улыбку, успеете ответить ей тем же. Однако не забывайте, что все-таки «Люди — хозяева своей судьбы», — счастье сопутствует смелым. Риск может быть оправданным, ведь кто не рискует — не пьет шампанского!

Пушкин (21.05 — 21.06)

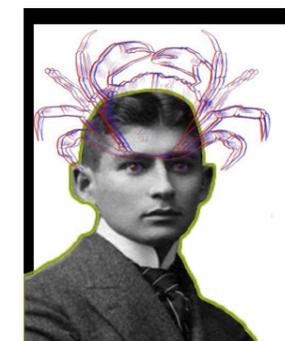
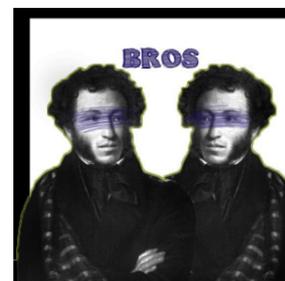
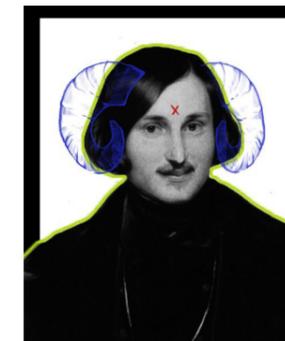
Не позволяйте собственным эмоциям взять над вами верх, оставляйте голову холодной, помните, что дуэль имеет обыкновение заканчиваться плохо: для того, чтобы принимать нужные решения, злость и обида — не лучшие советчики. Зарубите себе на носу: «...расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты...»

Кафка (22.06 — 22.07)

Может, пора взяться за старые дела и довести их до конца? Звезды в декабре критикуют ваш синдром «Замка», тем более, вы полны сил и жизненной энергии, вы склонны к тому, чтобы видеть свет даже во мраке, а как помнится, тот, кто сохраняет способность видеть прекрасное, не стареет.

Вальтер Скотт (23.07 — 23.08)

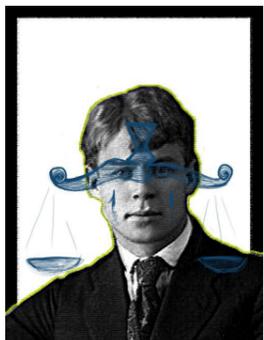
Неразумно оглядываться назад, когда предстоит ехать вперед. Отпустите минувшее, ведь звезды бросили вам вызов и нужно быть готовыми копьем и мечом отстаивать свою честь и право на счастье. Путь к истинному наслаждению не бывает легким, но ваши старания увенчаются успехом.

Лев Толстой (24.08 — 23.09)

Придание гласит: «У самого злого человека расцветает лицо, когда ему говорят, что его любят. Стало быть, в этом счастье...». Звезды уготовили вам поистине щедрый дар. «В любви нет больше и меньше», бывает лишь абсолютная середина, так и вы будьте трепетны и бдительны, ваше сердце готово обрести свои крылья, дайте ему шанс.

Есенин (24.09 — 23.10)

«Это только лишь первый раскат, // Это только лишь первый выстрел» — вы настроены решительно. Однозначно, звезды наделили вас готовностью ринуться в бой за дело, признанное вами правым. Ваши внутренние весы в этом месяце будут с точностью показывать вам, какое же решение предпринять, слушайте свой внутренний голос.

Достоевский (24.10 — 22.11)

Под конец года может показаться, что силы на исходе, и вы остались один на один с собой, но помните, что «жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле нас будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастных ситуациях, не уныть, и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача её». Звезды обещают вам резкие, но благоприятные повороты судьбы, ваша же задача — за унынием не пропустить их.

Тютчев (23.11 — 21.12)

Порой в тиши услышишь больше, чем в шуме. Вам время остановиться и перевести дух, оглядеться вокруг, послушать свой внутренний голос и понять, куда же идти дальше и правильно ли выбран путь... Silentium. Затишье перед бурей страстей, так давно вам полюбившихся.

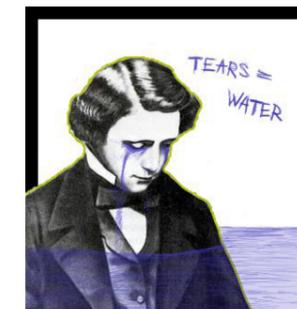

Толкин (22.12 — 20.01)

Пора собирать братство успеха, чтобы уничтожить в сердце Мордора свою лень и — вперед за горизонты, к новым победам! Ведь дух, живущий в каждом из нас, — это что-то великое: «Меня всегда впечатляло, как мы выживаем благодаря неукротимой храбрости — довольно маленькие люди без шансов на победу в борьбе с джунглями, вулканами, дикими зверями. Но мы продолжаем борьбу, даже не видя пути к победе».

Кэрролл (21.01 — 20.02)

Чудеса случаются, и сейчас самая благоприятная для них пора. Кроличью нору запорошило снегом, но это не значит, что в вашем собственном мире нет места волшебству. Видеть необычное в обычных вещах, идти, чтобы куда-нибудь в конечном счете прийти, мечтать и верить всем сердцем в самые безумные идеи — это то, что у вас никогда не отнимут, а в декабре это ваше орудие успеха. Включите воображение.

Гюго (21.02 — 20.03)

Порой жизнь заставляет действовать незамедлительно, решать в считанные секунды, но в декабре вам, как и Тютчеву, следует притормозить, ведь от ваших решений будет зависеть не только ваша жизнь. Посему позвольте себе перевести дух, взвесить все «за» и «против», и, наконец, найти среди всего прочего истину, ведь «где мысль, там и могущество».

Виктория Ивановская

Катерина Акимова

(глав-Вред)

Штатный Тони Старк группы, правда, не-миллиардер, не-очень-гений, вполне себе филантроп, пока дело не доходит до дедлайна. Созывает всех на собрания, ораторствует, следит за исполнением сроков, проводит предварительную редакцию статей.

Наталья Шуванёва

(вёрстка, художественное оформление)

Грозный смотритель маяка нашего журнала, следит за своевременным исполнением работ в срок, дилер самого вкусного чая, справедливый критик и ценитель лаконичности.

Светлана Гусева

(иллюстрация, художественное оформление)

Золотые руки, моря терпения и волосы, которым тихо завидует, сидя в своей башне, Рапунцель. Создает неповторимый стиль нашей газеты (денно и ночью, порой) и всегда приходит на помощь!

Виктория Ивановская

(рубрика «Литературный гороскоп»)

Та самая, кому открывают свои тайны звезды, предсказатель судеб, знаток литературной галактики, готовая поделиться секретами вселенной со своими читателями, концентрация магического и прекрасного команды.

София Полякова

(рубрика: "Филфак мода")

Бесспорный гуру всех самых модных трендов, знаток и законодатель свежих веяний в мире look'ов и макияжа, незаменимый помощник и советчик, готовый придти на выручку по первому крику "Господи, что надеть-то!!!"

Софья Исаева

(рубрика «Крик Каллиопы», Киноклуб)

Строгость и здравомыслие команды, ответственность и исполнительность. Работа старостой группы и заместителем председателя Студсовета факультета научили ее смотреть на вещи философски и успевать бывать в трех местах одновременно (маховик времени?..).

Виктория Переверзева

(рубрика «Театральные сезоны»)

Искушенный театрал, начинающая актриса, благодарный зритель, не пропускающий самые значимые театральные премьеры: как в стенах родного ВУЗа, так и за его пределами!

Дарья Тимофеева

(рубрика «У каждого свое кино»)

Рыцарь печального образа, киноман со стажем, видит все самое прекрасное, что таится по ту сторону экрана, разбирается в качественном кино и с радостью готова поделиться своими наблюдениями с читателем.

Ярослав Красников

(рубрика: «Лингвосмак»)

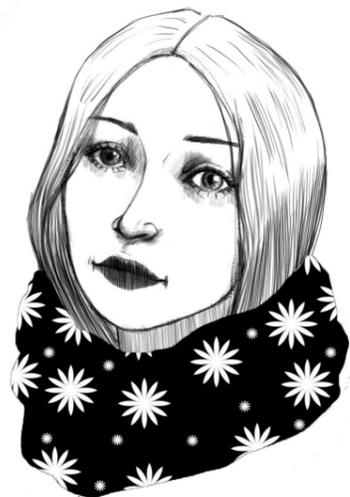
Ценитель театрального искусства, любитель народных танцев и классической музыки. Искатель «изюминок» в литературе и языках разных народов, незаменимый прорубатель окна в Европу и двери в Азию!

Мария Дубовская

(рубрика: «Дни минувшего настоящего»)

Виват ля революсьон! Большая любительница чаепитий (не бостонских) и апельсинового сока, прекрасных маленьких птиц и Джорджа Вашингтона. Любознательная читательница, пребывающая в вечном поиске — знаний, открытий и впечатлений.

Алия Мухитова

(рубрика «Вдохни новое веяние»)

Умеющая вдохновлять и вдохновляться, умеющая видеть красоту в себе и в окружающих, знающая, как подбодрить улыбкой и ласковым словом, молодая актриса, рассказчик жизней необычных людей и их судеб.

Анастасия Храпунова

(рубрика «Самая соль»)

Внимательный читатель, большой любитель шоколада, оптимист и поддержка команды. Внимательно следит за душевным состоянием редакции и вовремя приходит реанимировать павших при исполнении с шоколадками.

Редакция "8:45" благодарит
Викторию Яковлевну Малкину
за помощь!

Братя Грими
СКАЗКИ

